

Климова С.М. «Трудная проблема» ленинской теории отражения: дискуссии 1930–1950-х годов. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_44 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 44–64.

УДК 1(091):14

DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_44

«Трудная проблема» ленинской теории отражения: дискуссии 1930–1950-х годов

Светлана Мушаиловна Климова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

г. Москва, Россия.

E-mail: sklimova@hse.ru

*Поступила в редакцию 09.08.2021, поступила после рецензирования 26.10.2021,
принята к публикации 15.11.2021*

Статья посвящена вариациям ленинской теории отражения в отечественной философии первой половины XX в. Сам характер дискуссий превратил проблему понимания особенностей теории познания в «трудную», чему способствовали идеолого-политические примеси, характерные для философского поиска того времени. Предметом исследования является теория отражения в диамате, которая рассматривается в сравнении с онтогносеологией М.А. Лифшица. В статье показан процесс догматизации ленинской теории отражения в дискуссиях 1930–1940-х гг., а также трансформация данной теории в онтогносеологии Лифшица в 1940–1950-е гг. Идеологическим катализатором процесса разработки ленинской теории отражения стал принцип партийности, вследствие чего вульгарный социологизм и диамат были закреплены в гуманитарных науках, и лишь в 1950-х гг. стало происходить их постепенное преодоление. В начале сталинского этапа истории советской философии знаковыми стали дебаты вокруг книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Тон в них задавали выпускники Института красной профессуры, которым руководил А.М. Деборин. На примере ряда работ, написанных ими в середине 1930-х гг., показаны особенности трактовки понятия «отражение», а также идеологическая конъюнктура, во многом определявшая содержание и ход философской дискуссии. Принцип партийности требовал ставить во главу угла классовые интересы (как их понимали вожди пролетарской партии). В области теории познания и сознания это вылилось в требование отстаивать диалектико-материалистическую позицию в борьбе с многочисленными разновидностями идеализма. Под этим знаком и проходила дискуссия о ленинской теории отражения. В статье описана современная полемика, в которой даны противоположные оценки роли А.М. Деборина в формировании советского диамата и решении «трудной проблемы» ленинской теории

© Климова С.М., 2022

отражения. Послевоенные годы советской философии представлены онтогносеологией М.А. Лифшица. Соратник и друг Д. Лукача, Лифшиц внес наибольший вклад в преодоление вульгарного социологизма и возобновление традиций творческого марксизма. Он вышел на иную трактовку диалектики бытия и сознания, субъективного и объективного, предложив глубокое и оригинальное понимание теории отражения. В онтогносеологии Лифшица отражение бытия в сознании обусловлено свойством отражаемости, присущим самому бытию.

Ключевые слова: «Материализм и эмпириокритицизм», отражение, бытие, сознание, партийность, онтогносеология, М.А. Лифшиц

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00646.

A “Hard Problem” of Lenin’s Theory of Reflection: Discussions of the 1930s and 1950s

Svetlana M. Klimova

Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: sklimova@hse.ru

Received 09.08.2021, revised 26.10.2021, accepted 15.11.2021

Abstract. This article discusses the versions of Leninist reflection theory in the Russian philosophy of the first half of the twentieth century. The very nature of the discussions made the problem of understanding the features of the theory of cognition a “hard” problem. This was facilitated by the ideological and political impurities characteristic of philosophical inquiry at the time. The “diamat” (short for “dialectical materialism”) reflection theory is compared with M.A. Lifshits’s “ontognoseology”. The task is to show the process of dogmatization of Lenin’s reflection theory in the discussions of the 30s–40s, as well as the transformation of this theory in Lifshits’s ontognoseology in the 1940–50s. The article highlights the variations of reflection theory in the Soviet philosophy of 1930–70s. This theory in Diamat is considered in comparison with the “ontognoseology” of Mikhail Lifshits. The ideological catalyst for the development of the “Leninist reflection theory” was the principle of partisanship. As its consequence, vulgar sociology and Diamat were fixed in the humanities, and only in the early 1950s they began to be gradually overcome. At the beginning of the Stalinist phase in the history of Soviet philosophy, the debates around Lenin’s book *Materialism and Empiriocriticism* became a landmark phenomenon. The tone was set by the students of the Institute of Red Professors, headed by Abram Deborin. The example of several works written by them in the mid-thirties shows the peculiarities of interpreting the concept of reflection, as well as the ideological conjuncture that largely determined the content and course of the philosophical discussion. The principle of partisanship demanded that class interests (as understood by the leaders of the proletarian party, of course) should come first, and in the theory of knowledge and consciousness, it meant that the dialectical-materialist position should be defended in the struggle against all varieties of idealism. It was under this sign that the discussion of Lenin’s theory of reflection took place. The article also analyses contemporary polemics, in the course of which opposite assessments of Deborin’s role

in the formation of Soviet diamat and in solving the “hard problem” of Lenin’s theory of reflection are given. The postwar years of Soviet philosophy are represented in the article by Mikhail Lifshits’s “ontognoseology”. An associate and friend of Georg Lukács, Lifshits made the greatest contribution to overcoming vulgar sociology and renewing the tradition of creative Marxism. He described the dialectics of being and consciousness, of the subjective and the objective, proposing a profound and original interpretation of the theory of reflection. In Lifshits’s ontognoseology, the reflection of being in consciousness is conditioned by the property of reflectivity inherent in being itself.

Keywords: “Materialism and empiriocriticism”; reflection; being; consciousness; partisanship; ontognoseology; M.A. Lifshits

Acknowledgements: The study was funded by RFBR, project number 20-011-00646.

For citation: Klimova S.M. A “Hard Problem” of Lenin’s Theory of Reflection: Discussions of the 1930s and 1950s, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 44-64. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_44.

Проблема отражения мира в сознании человека уходит своими корнями в античную философию. В философии Нового времени уже Ф. Бэкон проводит сравнение познающего человеческого разума с «неровным зеркалом», отражающим вещи с известным коэффициентом преломления. В советском диалектическом материализме 1930–1950-х гг. теория отражения достигает пика своего развития. Сегодня мы имеем возможность взглянуть на ход тех дискуссий с исторической дистанции, без идеологических предубеждений. Такая ретроспекция позволит избежать старых ошибок и может помочь обнаружить нечто полезное для дальнейшего исследования природы сознания и познания, особенно если воспользоваться категорией отражения. В этом подходе и состоит актуальность и новизна предпринимаемого нами исследования.

Советскую философию зачастую считают догматичной, полной штампов и банальностей. Меж тем за многими, казалось бы, примитивными формулировками скрыта большая работа философской мысли, пытавшейся выжить в яростных идеологических баталиях. В марксистско-ленинском учении о природе сознания нет, кажется, ни одного тезиса, который не прошел бы через горнило жарких дискуссий, где, по словам М.А. Лифшица, речи участников нередко напоминали «потусторонний звук летящей мины, привет с того света». Признание этого, конечно, не отменяет, догматизма и схоластики, которыми был наполнен советский период, и в частности странстве философских споров.

Наиболее интенсивно в советской философии развивалась теория сознания и познания как отражения природного и общественного бытия. Сегодня не прекращаются споры о диалектике, характере отражения бытия сознанием, о том, кто является подлинным наследником творческого марксизма, а кто эпигоном, и т.д. Дискуссии по этому поводу велись на протяжении всего советского периода, в них были вовлечены такие выдающиеся философы, как Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, П.В. Копнин, З.М. Оруджев, М.М. Розенталь, А.П. Шептулин и многие другие. В рамках настоящей ста-

ты мы рассмотрим взгляды только нескольких философов и ряд научных и идеологических аспектов ленинской теории отражения.

Становление советской философии. О том, как шла борьба за власть в процессе институализации советской философии, подробно повествуется в работах С.Н. Корсакова (Корсаков 2009). Поворотный момент произошел в конце 1920-х гг. в ходе знаменитой дискуссии между деборинцами и механистами, которая в итоге привела к дискредитации и тех, и других, расчистив место для молодых апологетов и теоретиков сталинизма. «1930 год стал последним годом первого периода существования Института философии. Против деборинского философского руководства начали наступление “молодые силы” выпускников философского отделения Института красной профессуры во главе с М.Б. Митиным... Деборинская линия на разработку фундаментальных теоретических и историко-философских проблем, которая проводилась в Институте философии, не могла не пасть жертвой новой идеологической кампании по “борьбе на два фронта” в философии: не только против “механистов”, но и против “диалектиков”» (Корсаков 2009: 33). Справедливости ради надо заметить, что «молодую профессуру» политизировать философию как раз и учили те, против кого она в итоге и направила полученные навыки идеологической борьбы. А.М. Деборин прямо называет М.Б. Митина, П.Ф. Юдина и В.Н. Ральцевича своими учениками, которых он обучал азбуке марксизма и которые на его плечах стали важными сановниками (Деборин 2014). В своих воспоминаниях он пишет, что его молодые оппоненты использовали против него аргументы, которым он сам когда-то их научил, обвиняя его в незнании истин, которые они впервые от него же услышали (Деборин 2014). Этот прием на долгие годы станет весьма распространенным в советской обвинительной риторике.

Принцип партийности обязывал учитывать классовый интерес при обсуждении любых научных тем, и в первую очередь философских. «Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поправки идеализму и фидеизму во всех и всяческих “новейших” направлениях» (Ленин 1968: 360). Правда, Ленин не отождествлял напрямую партийность в философии с партийностью в политике. Так, меньшевик Г.В. Плеханов оказался союзником Ленина в борьбе с махистской философией большевиков А.А. Богданова, А.В. Луначарского и др. Партийность в философии состоит в защите материализма или идеализма. Если материализм имманентно связывался с наукой, то идеализм традиционно ассоциировался с религией.

Принцип партийности главенствовал во всех областях знания, подобно тому как в искусстве и литературе всем управлял метод соцреализма. Смена политики партии влекла за собой соответствующую коррекцию философских взглядов. «Партийность требовала адогматизма. Он, в свою очередь, – диалектики в качестве обоснования и размывания границ философии – выведения ее за пределы научной дисциплины в область мировоззрения и идеологии» (Добренко 2014: 30).

Философия превращалась в область идеологии, становясь, как писал Маркс, «извращенным сознанием». Удобным оказалось соединение идеализма не только с фидеизмом, но и с политической позицией меньшевиков, пусть и бывших, но все же врагов революции. Материализм же стал достоянием большевистской позиции. Таким образом, философия постепенно превращается в оружие классово-борьбы (идеологической эта борьба станет в 1940-х гг. при тотальном господстве сталинского режима).

Стоит напомнить, что митинская критика дебординцев была связана и с дискуссией о ленинском этапе в философии¹. Деборина обвиняли в недооценке Ленина-теоретика и, напротив, в переоценке роли Плеханова в учении о диалектике. В современной литературе продолжают дебатов по данному вопросу. С.Н. Мареев формулирует оппозиционную схему: Ленин vs Плеханов. При этом Деборин изображается как представитель антиленинского подхода в философии и крестный отец диамата, процветавшего в сталинский период. Деборин действительно считал творцом русского марксизма Плеханова, а Ленина лишь его учеником и последователем (что исторически правомерно). Также очевидно, что ближайшие ученики Деборина превратились в сталинскую идеологическую службу, и вина за это косвенно лежит и на нем. Но достаточное ли это основание для обвинения Деборина в создании вульгарного диамата – вопрос открытый, и ответ на него скорее отрицательный. Например, Корсаков считает Деборина подлинным диалектиком в отличие от ярого сталиниста Митина, являющегося подлинным вдохновителем вульгарного диамата.

Мареев видит главный недостаток дебординской диалектики не просто в увлечении Плехановым, но в том, что вслед за ним Деборин понимал диалектику «не как логику, не как теорию познания, а, скорее, как онтологию» (Мареев 2008: 23). Диалектика понималась весьма абстрактно, «как наука о законах, действующих одинаково в природе, обществе и человеческом мышлении» (Мареев 2008: 24). Именно так определяли диалектику на протяжении всех лет существования советской философии прежде всего те, кто клеймил Деборина как меньшевистствующего идеалиста, – Митины, Юдины, Константиновы и иже с ними. Формулировка философии «как науки о законах развития человеческого мышления, отражающего законы развития природы и человеческого общества» (Митин 1934b), кочевала из учебника в учебник вплоть до перестройки. Схема восприятия Аксельрод как философа научно-позитивистского толка, а Деборина как идеалиста, «гальванизирующего гегелевскую диалектику», оказалась и в учебниках постперестроечного периода, в том числе во «Введении в философию» под общей редакции И.Т. Фролова (1989).

Деборин, рассуждая о природе диалектического материализма, обнаруживает фундаментальное знание западной философии. Пытаясь пред-

¹ Игошуа Яхот справедливо называл дискуссию о ленинском этапе камуфляжем и дымовой завесой, под прикрытием которой формировался культ личности Сталина (см.: Яхот 1991).

ставить диалектический материализм как закономерный итог развития философского мышления, он поднимается по лестнице рассуждений от психологических теорий Юма, Беркли к немецкой классике: Канту, Фихте, Шеллингу и Гегелю, – и указывая, что «абстрактно-рассудочный способ мышления... есть низшая форма познания... Материалистическая диалектика – наука об общих законах объективного мира и познания. Диалектика исключает возможность конечного бытия. Диалектика рассматривает общие формы или определения мышления одновременно как общие формы и определения вещей, общие законы вещей суть и общие законы мышления. Только в этом случае и возможно объективное познание реального мира» (Деборин 1929: 86, 88). Такая диалектика отдаленно напоминает Спинозовский монизм, но в ней мало общего с митинским диалектизмом.

В своих воспоминаниях Деборин противопоставлял Ленину не Плеханова, но Сталина, который, с его точки зрения, «возымел желание стать выше Ленина и как теоретик, как философ, для чего у него не было никаких данных» (Деборин 2014). Нанося удар по меньшевистствующим диалектикам-идеалистам, Сталин, по мнению Деборина, на самом деле целился в Ленина, исподволь заменяя его имя своим, добавляя к ленинизму еще и сталинизм.

«Худосочный очерк» Сталина «Об историческом и диалектическом материализме» был написан при участии Митина. Сам Деборин, напротив, демонстрирует свою внутреннюю близость к Ленину через их общую симпатию к Гегелю и гегелевской диалектике. В 1938 г. он вошел в «Краткий курс истории ВКП(б)», который тем же Митиным был назван энциклопедией марксизма. В сталинском очерке, как известно, даже не оказалось закона отрицания отрицания, который, по остроумному выражению Е. Добренко, «отмер» за ненадобностью (видимо, вместо обещанной «смерти» государства. – С. К.)» (Добренко 2014: 28). Этот очерк принес много зла советской философии и лучшим ее представителям.

С появлением на политической арене фашизма стало еще затруднительнее отстаивать диалектику Гегеля, как теперь утверждалось, «весьма привлекательную для фашизма» (Митин 1931: 28).

Ленинское учение о диалектике и его отношение к Гегелю четче всего было сформулировано в «Философских тетрадах» (по сути, философских конспектах многих классиков философии), и именно их ряд исследователей считает ступенькой подлинной ленинской философии. Так или иначе, в 1930-е гг. строительство марксистско-ленинской философии потребовало идейного обоснования присутствия в ней ленинского этапа.

Дебаты 1930-х гг. вокруг ленинской теории отражения. Описанные выше перипетии становления советской философии связаны с обсуждением ее общих проблем, а точнее – с определением сути материалистической диалектики и пониманием специфики сознания в контексте ленинской теории отражения. Дискуссия вокруг этой теории возникла в начале 1930-х; к этому времени тезис о первичности бытия и его отражении сознанием стал устойчивым стереотипом, однако требовались бесконечные усилия

чтобы уточнить его суть. Важную роль здесь сыграли споры вокруг книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Двадцатипятилетию первой публикации книги в 1934 г. была посвящена специальная сессия Академии наук СССР, а также целая серия научных статей и сборников. В этих работах представлены самые разные подходы к пониманию материи, сознания и отражения. Юбилей ленинской книги стал идеологическим предлогом для расстановки «правильных акцентов» в советской философии. В представленной дискуссии явно ощущается и начало формирования культа личности Сталина.

Рассмотрим ряд статей из вышедшего в 1935 г. сборника «“Материализм и эмпириокритицизм” Ленина». Обосновывая выдающуюся роль и значение ленинского этапа в философии, многие авторы попутно рьяно критикуют Деборина и его школу. Так, один из редакторов сборника Р. Янковский не только отстаивает идущий от Ленина и раздуваемый Сталиным тезис о партийном характере философии, но именно на этом основании подвергает ярому осуждению философию «меньшевистствующего диалектика» Деборина за явную склонность к кантианству, в котором «смазывается борьба партий в философии» и центром становится синтез эмпиризма и рационализма (см.: Янковский 1935: 7). Склонность к кантианству Ленин обнаружил еще у Плеханова, а так как Деборин считался последователем Плеханова, то на нем лежит груз тех же ошибок и той же вины, что и на его учителя. Критический удар также наносится и по всему направлению «неподлинной» диалектической мысли, и по идеалистической диалектике Гегеля. Янковский утверждает, что Деборин неправильно ее использовал, забыв, что диалектика не только метод исследования, но и мировоззрение, то есть идеология. Однако на деле, отказавшись видеть в философии идеологию, Деборин как раз продемонстрировал приверженность марксизму, объявившему философию ложной идеологией.

Янковский ополчается и на Л.И. Аксельрод, которая в 1909 г. серьезно критиковала Ленина, называя его позицию наивным реализмом, а не материализмом. Ленин действительно сочувственно писал о наивном реализме, под которым, по сути, понимал здравый смысл, лежащий в основе любого стихийного материализма. Аксельрод же разделяет материализм и наивный реализм, свойственный, по ее мнению, эмпириокритикам и Вл. Ильину (псевдоним Ульянова-Ленина): «...основа наивного реализма, которая сводится к полному отождествлению психического и физического, остается для обоих (эмпириокритики и Ленин. – С. К.) одной и той же. Материализм же стоит на той точке зрения, что ощущения, вызванные действием различных форм движения материи, не похожи на объективные процессы, порождающие их» (Аксельрод 1909).

Янковский вроде бы и соглашается с присутствием у Ленина идеи наивного реализма, но далее утверждает, что Ленин, с его точки зрения, вовсе не отождествляет физическое и психическое, как считает Аксельрод. Напротив, в психическом Ленин видит *отражение* физического и тем самым снимает удвоение, оставаясь на почве и материализма, и объективной реальности.

Янковский полагает, что используемые Лениным слова *образ*¹ и *отражение* уже говорят об отсутствии удвоения или психофизического тождества: «Весь смысл теории отражения в гносеологии заключается в утверждении реального взаимодействия, реальной связи между объектом и субъектом, отсутствия необходимой принципиальной пропасти между вещью в себе и ее познавательным образом, явлением» (Янковский 1935: 38). Для Ленина проблема связи между вещью в себе и явлением – это не кантианский вопрос о поиске априорных оснований для возможности апостериорного познания, а словесная ерунда и вздор: «Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится “по ту сторону” явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм), – все это пустой вздор, Schrulle, выверт, выдумка» (Ленин 1968: 102). Но именно такие пассажи и подвергались Аксельрод острой критике, именно в них она и обнаружила «удвоение» или крайнюю примитивизацию процесса познания в процессе отражения. Она оценила книгу «Материализм и эмпириокритицизм» в целом как философски слабую, эклектичную, полемически задорную, но не научную. Свободная критика Вл. Ильина в 1909 г. обернулась для Аксельрод ярлыком ревизионистки и партийной травлей в 1930-е гг.

Янковский между тем и сам описывает отражение наподобие некоей кальки предмета в сознании или ощущении по принципу «сходства снимка с моделью», не выходя за пределы вульгарного удвоения. Безусловно, такая позиция Янковского, как и приводимые им многочисленные примеры из мира восприятия физических объектов человеческим глазом или ухом, отдает наивным реализмом и сенсуализмом, от которых он ранее отмежевался. Янковский обвиняет идеалистов в том, что они активность – отражение – приписывают только духу или субъекту, тогда как, по Ленину, это лишь низший вид отражения – «мертвый зеркальный акт»; высшим же типом отражения в интерпретации Янковского является практика – практическая деятельность сознания, при которой материя в познании дана не только через ощущения, но и через понятия. Из его деклараций неясно, как понятия формируются на практике и как связана с этим созерцательная форма мышления (восприятие глазом и ухом). Апеллируя к науке, Янковский одновременно борется и с ней, с ее неспособностью самостоятельно обобщать результаты опытов.

При этом Янковский не упоминает, что мысль о связи теории и практики в более четкой формулировке намного раньше выразил Деборин:

---

¹ В этой связи показательно рассуждения об образе А.М. Деборина: «Греческое слово “идея”, которое вы так часто употребляете, означало первоначально *чувственный зрительный образ*. Слово это образовалось от греческого глагола “εἶδος” – видеть. В смысле чувственного зрительного образа этот термин [образ. – С. К.] употребляется еще Демокритом, и только у Платона это понятие приобретает специфическое значение некоей *умопостигаемой формы*» (Деборин 1934: 117).

«Объективная действительность, осознание этой действительности и практическое наше воздействие на нее, то есть активное изменение человеком изменяющейся действительности на почве понимания в процессе ее изменений, – вот те звенья, которые диалектически объединяются в синтетическое целое. Практика в этом нашем понимании составляет диалектический синтез объективной действительности и субъективного познания ее. Марксизм самую практику поднял на теоретическую высоту, сделав вместе с тем теорию необходимым элементом практики» (Деборин 1929: 60). Критика Янковского и других авторов сборника построена на извращенной (и в то же время универсальной) логике: уничтожать врага, черпая свои аргументы из его же теорий (по сути, беззастенчиво воруя его мысли). К этому стоит прибавить и известный манипулятивный прием домысливания за оппонента того, что он не говорит, но что ему смело можно приписать.

Партийную линию в философии продолжает статья Д. Рудника «Материализм и эмпириокритицизм» как документ партийной борьбы». Рудник также обрушивается на Деборина и Аксельрод: обнаружив у них высказывания против большевиков и самого Ленина, он автоматически увязывает критику с непониманием ими обоими сути партийности в философии. Неважно, что ссылки даются на статьи дореволюционного периода, не имеет значения и факт диалектического развития/изменения и идей, и человека, и его убеждений, да и самой эпохи. Однако Руднику приходится не только критиковать меньшевиков от философии, но и одновременно связывать их деятельность с Плехановым, с которым в 1908 г., работая над книгой, Ленин вступил в союз против махистов, ликвидаторов и прочих идеологических оппонентов. Поэтому надо было корректно координировать дозволенные и недозволенные позиции. Статья Д. Рудника, являясь образчиком пропагандистско-идеологического дискурса эпохи, наглядно демонстрирует механизм формирования мифоязыковых основ вульгарного диамата. Попутно заметим, что практически все языковые идеологемы того времени рядятся в одежды научного дискурса.

В статье «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради» Ленина» В. Ральцевича, который, как и Р. Янковский, был редактором сборника и бывшим учеником Деборина, развивается линия сближения деборинцев и механистов с целью продемонстрировать их общее непонимание ленинского наследия и указать на отрицательную роль этих направлений в становлении марксистской философии. Суть критики проста. Деборин считает философски значимыми лишь «Философские тетради» Ленина и недооценивает «Материализм и эмпириокритицизм». Механисты, напротив, не признают «Философские тетради» и манипулируют данными из «Материализма и эмпириокритицизма», подменяя философию псевдонаучными понятиями и теориями. Достается от Ральцевича и деборинцу И.К. Лупполу, который посмел противопоставить указанные работы Ленина друг другу и откровенно восхищаться ленинской оценкой гегелевского идеализма. Статья «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради» Ленина» написана в лучших традициях догматической схоластики и учебников по марксизму-ленинизму. Оказывается, единственной це-

лью Луппола было «подверстать» ленинский анализ к идеологии меньшевистствующего идеализма¹. Луппол, согласно Ральцевичу, не понял того, что Ленин мог похвалить Гегеля, но он никогда не мог встать на точку зрения идеализма. Это и отличает Ленина от искаженно понимавших диалектику деборинцев, с легкостью сдавших свои позиции в угоду идеализму. По мнению Ральцевича, Луппол пытается разделить ленинский материализм и диалектику, чтобы «протащить» диалектику как метод и отказаться от материализма как мировоззрения. Ральцевич обвиняет механистов и деборинцев в близорукости, из-за которой они не увидели в «Материализме и эмпириокритицизме» сути материалистической диалектики. Фактически высказывания В. Ральцевича представляют собой пересказ позиции М.Б. Митина, четко выраженной в вышедшем в 1933 г. под его редакцией учебнике «Диалектический и исторический материализм»: «Представители идеалистической ревизии марксизма видели все существо диалектического материализма в том, что он является “методом”. Ставя таким образом вопрос, они *отрывали метод от общефилософского мировоззрения*, отрывали диалектику от материализма. Не верна и механическая точка зрения, которая видит в философии марксизма *только общефилософское мировоззрение*, притом тождественное с выводами механического естествознания, не понимая при этом, что наша философия не есть просто материализм, а *диалектический материализм*» (Митин 1934b).

В 1934 г. вышел четвертый номер журнала «Под знаменем марксизма», который уникален тем, что стал общей площадкой, позволившей высказаться не только главному сталинисту того времени (будущему проводнику сталинских идей, во многом способствовавшему формированию культа личности Сталина) М.Б. Митину, но и бывшему диалектику, а теперь меньшевистствующему идеалисту А.М. Деборину и бывшему лидеру механистов Л.И. Аксельрод. Несмотря на то, что номер был посвящен 25-летию выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», акцент включенных в него статей переместился с юбилейной тематики на обсуждение одной из фундаментальных проблем книги – ленинской теории отражения.

Номер открывает статья Н.К. Крупской. Перечисляя решаемые Лениным в книге задачи, Крупская прежде всего выделяет мысль своего великого супруга о том, что любой идеализм не просто буржуазен, он еще и религиозен по своей сути; лишь диалектический материализм, будучи идеологией рабочего класса, ставит во главу угла идею партийной природы всякого философского знания. Крупская отстаивает идею необходимости классовой борьбы с любым инакомыслием, ибо и махисты, и любого рода идеалисты своими рассуждениями зовут в религиозные дебри и «мешают развитию самосознания масс. С ними нужна борьба» (Крупская 1934: 7). Показательно, что в качестве примера Крупская приводит немецкий фашизм, который не только сжигает труды Маркса, Энгельса, Ленина

---

¹ Показательно, что, в отличие от Р. Янковского, В. Ральцевич называет своих оппонентов не меньшевистствующими диалектиками, а только меньшевистствующими идеалистами.

и Сталина, но также сохраняет все черты идеализма, всячески укрепляя религию и отвлекая рабочий класс от революционной борьбы. Коммунизм, напротив, развивает диамат, двигая рабочий класс к практической борьбе за светлое будущее. Так Крупская описала связь между теоретической борьбой за правильное мировоззрение и практической борьбой фашизма и коммунизма.

В статье Митина «Актуальные вопросы теории отражения и “Материализм и эмпириокритицизм” Ленина», изобилующей каскадом парадной риторики: *бессмертная книга, гений Ленина, высококачественная большевистская сталь* и т.д. – выстроена оппозиция Плеханов – Ленин. Плеханову Митин отводит лишь роль просветителя и популяризатора марксизма, а Ленину – роль основоположника творческого марксизма. Примечательна и нарисованная в статье историко-философская картина: в период 1904–1910 гг. Ленин, по словам Митина, показал, что главная борьба за умы людей шла между религиозно-философским идеализмом и марксизмом. Поэтому он и бросил все свои силы на борьбу с религией во всех ее проявлениях. В этой борьбе досталось и В.С. Соловьёву, и веховцам, и кантианцам, и махистам, то есть всем ренегатам и отщепенцам. Возникает ощущение, что Ленин один, как богатырь земли Русской, противостоял не только религии, но и всей религиозной философии первого десятилетия XX в.

Митин ополчается на Деборина и Аксельрод, которые, по его мнению, клеветают на ленинское наследие, утверждая о связи махистов и большевиков. Разговор о неомахизме с неизбежностью приводит Митина к обоснованию научно-материалистического характера ленинской теории отражения и ее отличия от махистского мира, данного в ощущениях. В доказательство стихийно-материалистического мировоззрения естествоиспытателей в статье дается длинное описание достижений современной физики (Планка, Эйнштейна и др.). Ученый всегда материалист в науке, несмотря на то, что в философии он может оказаться махровым мракобесом. Подлинная философия может быть только научной, а значит, она должна быть диалектическим материализмом. Разрыв между разумом и верой ученого может приводить к научным ошибкам. Эти сентенции, как мы сейчас понимаем, таили угрозу не только свободной мысли в философии, но и непосредственно ученым-естествоиспытателям.

Далее Митин кратко формулирует суть ленинской теории отражения, которая к тому моменту уже вошла в советские учебники: 1) любой материализм так или иначе основан на отражении; 2) теория отражения – высшая ступень марксистской гносеологии. «С точки зрения материалистической диалектики, отражение, равно [как и] познание, рассматривается как исторический процесс, процесс познания общественного человека на основе его общественной практики, начинающейся с ощущения и кончающейся конкретным понятием диалектического материализма, воспроизводящим в мышлении действительность во всей ее конкретности» (Митин 1934а: 34). Согласно Митину, самое главное в отражении – признать внешний мир и факт его отражения «в голове». Митин сетует на западных философов, которые не усвоили уроки Ленина и поэтому впадают в две крайности: либо

отождествляют ощущения и предмет, либо полностью их разделяют. В этой связи Митин упоминает Бергсона, неокантианцев, автора теории символизма Кассирера, физика Пуанкаре и др. Он приводит разнообразные аргументы против их философских построений и их научных теорий, заключая, что «теория познания диалектического материализма утверждает, что данный сознанию предмет есть копия существующего вне сознания предмета» (Митин 1934а: 36). Далее Митин вновь обращается к дискуссии Ленина с махистами, указав на два ее основных вопроса: мыслит ли человек при помощи мозга и была ли Земля до человека? Не проводя разбор данной дискуссии, он ограничивается тезисом о том, что Ленин уже одной постановкой вопроса о природе сознания, опираясь на теорию отражения, разгромил всю «махистскую группировку». Для Митина связь сознания и работы мозга однозначна. Он восторженно ссылается на авторитет Сеченова и Павлова. «Учение об условных рефлексах, учение о роли коры полушарий головного мозга, о локализации раздражений в коре головного мозга дают богатый фактический, экспериментально неоднократно проверенный материал, показывающий всю правоту ленинской материалистической постановки вопроса» (Митин 1934а: 40). Митин устанавливает четкие границы науки: по его мнению, наука может лишь подтверждать философские идеи марксизма, но никак не заниматься самостоятельными выводами, основанными на своих же собственных данных. Ведь Павлов и другие естествоиспытатели – стихийные материалисты и никудышные философы, не понимающие, как объяснить собственные опыты. Таким образом, Митин расчищает место науке всех наук – диалектическому материализму с его правом первого и последнего арбитра в теории научного, да и всякого другого познания. Диамат был призван объяснить физике, что она открывает, а машиностроению и сельскому хозяйству – по каким принципам они работают.

Крайне любопытно спустя 25 лет после первой критической рецензии Л.И. Аксельрод на книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» рассмотреть ее новую интерпретацию этой ленинской работы. Свою статью «О борьбе Ленина с философским ревизионизмом и вопросы теории отражения» Аксельрод строит на историко-философском анализе. Рассказывая о борьбе за философию в конце XIX в., она напоминает, что одним из проявлений этой борьбы была попытка неокантианцев соединить Маркса и Канта. Обращаясь к имени Плеханова, Аксельрод практически ставит его в один ряд с Лениным, она упоминает Ленина и Плеханова в основном вместе, как равных друг другу мыслителей. Надо отметить, что такой подход в 1934 г. был удивительно смелым. Аксельрод не только пишет о своем личном знакомстве с Лениным, но и отстаивает свое право критиковать его как товарища по революционной борьбе. В духе времени она, подобно Крупской, выстраивает новую мировоззренческую оппозицию – марксизм и фашизм.

Переходя к анализу своей рецензии 1909 г., Аксельрод откровенно и иронично пишет о многих вещах, в том числе и о своем меньшевистствующем прошлом, что вызывает большое уважение, особенно на фоне покаянных речей многих ее бывших соратников.

Характеризуя книгу «Материализм и эмпириокритицизм», Аксельрод концентрирует основное внимание на ленинской теории отражения. Солидаризуясь с Лениным по существу, она пишет: «Энгельс употребляет этот термин, но термин отражения имеет двоякий смысл. Первый смысл – тот, что материализм противопоставляется идеализму. Идеализм во всех своих формах и разновидностях утверждает, что материя, материальный мир, материальная действительность есть отражение идеальной субстанции. Материализм утверждает противоположное: что идея есть отражение в нашем мозгу материального мира. Это один смысл отражения...» (Аксельрод 1934: 141). Но гораздо важнее гносеологический аспект отражения: как работает наше сознание, копируем ли мы мир в отражении? Аксельрод в первой рецензии резко разошлась с Лениным именно в этом вопросе. Она критиковала его за непонимание природы знака, символа, сути копирования и т.д. Теперь она пересмотрела свою позицию и признала, что понимала Ленина буквально, тогда как под отражением он разумел активность познающего субъекта, по сути, реализацию главного тезиса Маркса о том, что идеальное – это материальное, пересаженное в голову и переработанное в ней. Отрекаясь и от кантианства, и от символизма, и от логического позитивизма, Аксельрод делает вывод: «...познание есть активное взаимодействие двух вещей, как Маркс выражается в “Капитале”, субъекта и объекта, и наши представления являются результатом взаимодействия двух объектов, причем один объект, объект-субъект сознает это взаимодействие. Так именно, по моему мнению, понимал и Ленин “отражение”. <...> Познание есть движущийся процесс» (Аксельрод 1934: 142).

Обратимся к статье «Проблема познания в историко-материалистическом освещении бывшего диалектика», а ныне заклеянного меньшевистствующего идеалиста А.М. Деборина. Анализируя книгу «Материализм и эмпириокритицизм», свою основную задачу Деборин усматривает в характеристике Задача его статьи сводилась к выяснению «ленинской гносеологии, теории отражения, учения об относительном, об историческом характере всего нашего знания, всех понятий, вопроса о соотношении относительной и абсолютной истины и, наконец, вопроса о неизбежности новых революций вследствие преодоления каждого данного познавательного предела» (Деборин 1934: 111).

Деборин связывает вопрос об отражении с учением об абсолютной и относительной истине, утверждая, что отражение никогда не тождественно самому отражаемому, так как вся человеческая жизнь протекает в непрерывном развитии, исторической изменчивости. Таким образом, очевидно, что знание носит исторический характер и напрямую зависит от практических потребностей и деятельности людей. Описывая развитие знания, Деборин подчеркивает, что, каждый раз достигая своего предела, знание оказывается в ситуации, близкой к революционной, и эта ситуация разрушает пределы знания¹. «В результате такого разрушения мы открываем

¹Примечательно, что взгляд А.М. Деборина на развитие знания созвучен с теорией научных революций Т. Куна (см.: Кун 2003).

новые формы материи, новые формы движения, энергии, новые формы связи, закономерности, а вместе с тем новый подход к единству мира, к единству всего многообразия вещей, явлений и процессов» (Деборин 1934: 112). Заметим, что при такой постановке вопроса принцип деятельности оказывается за пределами рассуждений Деборина.

Деборин развивает и тему наивного реализма Ленина, о котором писали и Янковский, и Аксельрод. Подтверждая приверженность Ленина здравому смыслу, точке зрения «толпы» или даже всего человечества, он подчеркивает, что наивное убеждение в существовании мира вне меня или нас в научном материализме (читай: в его ленинской интерпретации) лежит в основании ленинской теории познания. Таким образом, источник познания обнаруживается в практической деятельности людей, а не в замкнутой работе сознания, которую Деборин вслед за Лениным называет точкой зрения «сумасшедшего фортепиано». По Деборину, главный недостаток как идеализма, так и домарковского материализма – в созерцательном, абстрактном характере понимания чувств, сознания, да и самого человека.

Человек же существо не созерцающее, а активное, практическое, и его органы нельзя рассматривать автономно, вне связи со всем организмом. Для Деборина организм – не просто физиологическая система, как для механистов, а синоним целостности. Деборин приводит развернутую этимологическую справку о понятиях «знание», «истина», «видение» и ряде других близких им понятий, обнаружив недюжинную эрудицию и хорошее знание иностранных языков. Он показывает, что слово «знание» этимологически связано с чувственным (зрительным) образом, а «понятие» по своему происхождению – «с рукой как органом деятельности» (Деборин 1934: 118). В этой связи Деборин обращается к теории Н. Марра, который рассматривал руку и как орган речи, и как первое орудие производства. Деборин делает вывод, что «основные познавательные категории, понятия, так и органы познания не только не являются *априорным достоянием* неизменного сознания или абстрактного “я”... а представляют собой результаты тяжелого труда, постепенного, длительного процесса... уходят своими корнями в земную почву материального производства и производственных отношений, в *первичные формы деятельности...*» (Деборин 1934: 120). Деборин добавляет, что понятия формируются не только как многократное обобщение практики в логике, но и благодаря фантазии, открывающей клапан для идеализма и мифологии. В тоже время «история мышления дает нам богатейший материал для установления того положения, что *понятия*, как общее правило, *рождаются двояшками*¹, от одной матери... Здесь противоположность дана в единстве» (Деборин 1934: 124). Деборин доказывает, что мышление есть не что иное, как развитие более высокой формы отражения внешнего мира и его закономерностей.

---

¹ Возникает интересная параллель со словом «двоешки» в повести А. Платонова «Котлован».

Онтогносеология М.А. Лифшица: новый поворот в теории познания. Занимаясь ретроспекцией дискуссии 1930-х гг. вокруг ленинской теории отражения, задаешься вопросом: как вообще могла существовать хоть какая-то независимая мысль в России в тот период? В этом отношении показателен ответ М.А. Лифшица: те, кто ценили свое имя и действительно хотели заниматься «мышлением», избегали философии в ее диаматовском изводе. Многие уходили в литературу, искусство, эстетику. Как заметил Э.В. Ильенков, в то время выживали люди, «наделенные чувством юмора» (см.: Лифшиц 2003: 20).

В 1950-е гг., казалось бы, вечный и незыблемый принцип партийности в философии и других гуманитарных науках неожиданно попал под мощный удар самой партийной идеологии. Жесткий подход к оценке того или иного направления был объявлен вульгарным социологизмом. С этого момента началась новая эпоха развития творческой мысли, разгорелась борьба за освобождение литературы и искусства от принципа партийности и вульгарного социологизма, активным участником которой был М.А. Лифшиц.

Ранее в советской философии нишей для более-менее свободного мышления была главным образом история философии. Сопоставляя 1930-е и 1960-е, М.А. Лифшиц указал на новые обертоны философского мышления, связанные с развитием онтологической и гносеологической проблематики. «С конца сороковых годов Михаил Александрович работал над своей главной философской книгой об онтологии и теории познания (“онтогносеология”), включавшей в себя логическую систему, которую Лифшиц называл “теорией тождеств”. Однако вплоть до его смерти в 1983 г. в печати время от времени появлялась только философско-литературная публицистика учебного» (Арсланов 2003: 293).

Опубликованную в 2010 г. книгу «Varia», вобравшую в себя фрагменты из архива М.А. Лифшица (Лифшиц 2010), можно считать своеобразным развитием ленинской теории отражения и новым подходом к решению проблемы сознания. Вошедшие в книгу тексты, с одной стороны, возникли как реакция на указанные выше дискуссии 1930–1950-х гг. о ленинской теории отражения, с другой стороны, в теории познания М.А. Лифшица проявились совершенно новые черты понимания сознания и отражения. Лифшиц не только критикует теории, согласно которым сознательная деятельность человека есть чистый произвол, но и выступает против идеи о том, что сознание есть лишь пассивное отражение действительности. Лифшиц не приемлет догматических схем, которые еще недавно казались каноническими: он резко отвергает тезис о том, что сознание является продуктом деятельности мозга, резкому неприятию; отказывается признавать сознание лишь эпифеноменом, пассивно отражающим материю.

Особенно опасным в вульгарного социологизме, с точки зрения Лифшица, был принцип классовой идеологии, с помощью которого под маской защиты интересов пролетариата шло идейное уничтожение разного рода неудобных. Классовое сознание адептов вульгарного социологизма в 1930-х гг. обладало нюхом медведя-молотобойца из платоновского «Котло-

вана»: в статьях того времени выискивалось и подвергалось остракизму как идейно-враждебное все, что хоть как-то могло нарушить принцип партийности или идти вразрез с классовыми интересами и идеологией рабочего класса. Даже если советский философ не попадал в туман догматических штампов, ему все равно был необходим арсенал идеологических лозунгов, прячась за которые, он мог хоть как-то озвучить свою мысль.

Классово-партийный подход 1930-х гг. Лифшиц назвал нашествием социологических представлений, ведущих к идеологизации философии и к ее превращению в утилитарную концепцию. В конце 1950–1960-х гг. вульгарный социологизм уже смело можно было называть карикатурой на марксизм. Лифшиц высмеивает известный догмат «бытие определяет сознание», который сводил на нет любой разговор о природе идеального. Вульгарность этой схемы была неуничтожима: каждый писатель или мыслитель, даже живший в далекие времена, подгонялся под социологическую схему и оценивался на основу классовых принципов. Сознание внутри этой схемы «стало слепо, неменяемо, лишено отношения к истине, субъективно (в смысле общественной, коллективной субъективности) и даже иррационально – поскольку его активность возбуждалась только классовым “нутром”, а не отражением внешнего мира» (Лифшиц 2003: 24).

Сознание рассматривается Лифшицем не как функциональное, слепо зависящее от бытия, а как понимающее/объясняющее условия, при которых появляется иное восприятие, определяющее разницу между иллюзией и реальностью. Он предлагает характеризовать сознание не через соотношение с физическим телом, а через соотношение с неорганическим телом человека, или формирующей его культурой. Размышляя о том, как возможна «сознательность сознания», Лифшиц обращается к философии Э.В. Ильенкова. Решение этой проблемы лежит в области идеального – того, что заставляет ориентироваться на высшие ценности, которых нас лишает ориентация на техническое понимание разума.

Решая вопрос об отношении бытия и сознания, Лифшиц вводит термин «онтогносеология». Он пишет: «Бытие и мышление тождественны не в бытии, не фактически, а в логосе, в разумном содержании того и другого, в бытии же они различны и грань между ними есть» (Лифшиц 2010: 20). Грань между бытием и сознанием как раз и преодолевается через отражение. Под онтогносеологией Лифшиц понимает как механическую репродукцию, воспроизводство, так и творческое воспроизводство, творение мира при условии отражения действительности. «Мимезис по отношению к внешнему миру приобретает род автономии, сознание воспроизводит свой собственный закон, который есть закон повторенной действительности» (Лифшиц 2010: 26). Через единство разумной и деятельной жизни человека природа сама приходит к тождеству с собой. (Логика Лифшица схожа с гегелевской, однако, в отличие от Гегеля, Лифшиц материалист.)

В каком-то смысле его логика схожа с гегелевской, но на материалистический манер. Через единство разумной и деятельной жизни человека природа сама приходит к тождеству с собой. Принцип отражения соединяет воедино все учение Лифшица. «Согласно онтогносеологии ситуация

оборачивается, и подлинным субъектом оказывается само материальное бытие, а человек – орудием его самоотражения»¹ (Mareeva 2016: 298).

Лифшиц, как и практически все исследователи теории отражения, не может избежать слова «зеркало» как метафоры сознания. Он пишет, что себя нельзя увидеть без зеркала, однако отражение-зеркальность – это всегда для другого, «отражение есть именно видение». Лифшиц различает сознание как продукт и как отражение, и следовательно, бытие может быть причиной, а может быть зеркалом самого себя, «бытием бытия». Понятие «зеркало» оказалось необходимым и для обоснования активной роли практики в процессе познания: «Практика должна сделать объект субъектом, должна раскрывать в нас его субъективные свойства, иначе говоря, *сделать* его зеркалом. <...> А то, что понятие *зеркала раздвигается*, совершенно естественно. Ведь при всех соприкосновениях *дифференциал* между субъективным и объективным миром не *устраним*» (Лифшиц 2010: 42-43).

Лифшиц в онтогносеологии преодолевает догмат о первичности бытия и об отражении, как грубом оттиске или копии бытия в сознании субъекта, резко выступая против физиологического его прочтения, видя здесь лишь очередной виток психофизической проблемы, в разновидность которой в 1930-е годы превратилась, по его мнению, вся теория отражения. «Отражение в нас внешнего мира состоит не в том, что где-то в голове помещается образ внешнего предмета (пусть какая-то тонкая нейронная модель его), а в том, что определенным образом сложившиеся материальные структуры обладают свойством отражаемости. Отражается то, что выражено, отражаемо само по себе. Это его объективное свойство, которому наше сознание является прямым продолжением, сублимацией, дальнейшей субъективизацией и идеализацией» (Арсланов 2003: 344). Лифшиц видит сознание как эпифеномен не мозга, но самого бытия.

Опираясь на единство бытия и сознания, онтологии и гносеологии, Лифшиц показывает схожесть черт природы и духа, утверждает, что «дух в истинном смысле этого слова есть материя, есть ее собственное живое и животворящее начало» (Лифшиц 2003: 164). В.Г. Арсланов замечает, то выйти из этого замкнутого понятийного круга Лифшиц смог, лишь обратившись к идее «третьего». Речь идет о человеке как «истинной середине», орудии самоотражения и самопостижения в природе. Е.В. Мареева пишет: «Лифшиц согласен с тем, что без человека природное бытие было бы незавершенным. И своеобразии принципа отражения, как он представлен в теории реализма Лифшица, состоит в том, что малое бытие (произведение искусства) может обрести значимость, будучи «спровоцированным» Бытием с большой буквы (действительностью), а еще вернее – зрелостью самих объективных отношений. Свойство «отражаемости» и «мыслимости», продолжает он мысль Дидро и Ленина, заключено в недрах самого природного бытия» (Mareeva 2016: 300).

В такой интерпретации не столько философ, сколько художник становится главным камертоном бытия, преодолевающим в творческом акте

¹Здесь и далее перевод Е.В. Мареевой. – С. К.

собственную природную и классовую ограниченность. Если в социологии 1930-х гг. все сводилось к классовой природе творца, то Лифшиц пишет о воссоздании в творчестве всеобщего бытия. «Например, одно дело сказать, что Толстой – продукт дворянского усадебного быта, и совсем другое – сказать, что его мышление и творчество есть зеркало русской крестьянской революции» (Mareeva 2016: 301).

Итоги. Наши размышления о ленинской теории отражения, о том, какие дискуссии развернулись вокруг нее в советской философии в 1930–1950-е гг., какие изменения произошли в ее понимании благодаря онтогносеологии М.А. Лифшица, конечно, не дают всеобъемлющей картины рассмотрения этой темы. Теория отражения перманентно обсуждалась в разных учебниках и отдельных работах на протяжении не одного десятка лет и обогащалась разнообразными гносеологическими интерпретациями. Вне нашего внимания осталось множество теорий и выдающихся имен советских философов, работавших в 1930–1950-е гг. и в более поздний, застойный период. Дискуссия о природе сознания и связанной с ней специфике деятельностного подхода, интериоризации и экстернализации велась и советскими психологами (П.К. Анохин, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн и др.), которые при всех различиях их позиций исходили из ленинской интерпретации сознания и отражения.

Вне нашего рассмотрения оказался и анализ знаменитой теории отражения в учении болгарского философа Тодора Павлова. Между тем эволюция его взглядов на проблему требует особого исследования и уже была частично затронута в статье Е.В. Мареевой. Не рассмотрен нами и монументальный коллективный труд «Ленинская теория отражения и современность», вышедший к 100-летию В.И. Ленина под редакцией Т. Павлова (София, 1969).

Мы попытались лишь оттолкнуться от истоков – дискуссий 1930-х гг. вокруг книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и показать, где в тот период проходила демаркационная линия между наукой и идеологией, диалектикой и схоластикой. Рамки, заданные догматом «бытие определяет сознание», тяжело поддавались ломке и модификации в советской философии. Ситуация начала меняться в 1950–1960-е гг., когда принцип партийности неожиданно оказался, как унтер-офицерская вдова, под плетью партийной элиты. Началась широкая критика вульгарного социологизма в гуманитарных областях, заговорили о свободе творчества, творческом марксизме, диалектике объективного и субъективного. Дискуссии вокруг ленинской теории отражения 1930–1940-х гг. стали предтечей споров онтологистов и гносеологистов в 1950-е. На волне новых веяний особенно заметным вкладом в развитие данной темы стал онтогносеологизм М.А. Лифшица, развитие которого пришлось на конец 1960-х – начало 1970-х гг.

Принципиально изменилась парадигма исследования сознания. Если 1930–1940-е гг. диамат ограничивал сознание лишь индивидуальным и философы главным образом исследовали проблему соотношения сознания и мозга и то, как в мозговой деятельности отражается материальный мир, то в 1950–1960-е гг. оптика анализа советских философов существенно

меняется. Так, Э.В. Ильенкова отличает резкое неприятие не только характеристики сознания как эпифеномена мозга, но и превращения человека в придаток «мира машинерии», которое он назвал отчуждением.

С 1960-х гг. начинает активно развиваться новый, деятельностный, подход к интерпретации данной проблематики. Другой не менее значимой проблемой стало изучение активности субъекта в теории познания. Эти философские искания наметили выход к следующему этапу развития советской философии и новым подходам в решении «трудной проблемы» сознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аксельрод Л.И. 1909. Рецензия на книгу: Вл. Ильин. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Москва : Звено. URL: <http://leninism.su/works/87-tom-48/374-ukazateli-48.html> (дата обращения: 20.07.2021).

Аксельрод Л.И. 1934. О борьбе Ленина с философским ревизионизмом и вопросы теории отражения // Под знаменем марксизма. № 4. С. 136-143.

Арсланов В.Г. 2003. Non finite Мих. Лифшица : [Послесловие] // М.А. Лифшиц. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). Москва : Прогресс-Традиция. С. 293-361.

Деборин А.М. 1929. Ленин как мыслитель. Москва ; Ленинград : Госиздат. 168 с.

Деборин А.М. 1934. Проблема познания в историко-материалистическом освещении // Под знаменем марксизма. № 4. С. 110-128.

Деборин А.М. 2014. Предисловие к «Философии и политике». Воспоминания / подгот. к изд. С.Н. Корсаковым. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/deborin-abram-moiseevich/predislovie-k-filosofii-i-politike-vozpominaniya> (дата обращения: 01.06.2021).

Добренко Е.А. 2014. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3(27). С. 26-64.

Корсаков С.Н. 2009. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом : к 80-летию Института философии РАН / отв. ред. М.Н. Громов. Москва : Прогресс-Традиция. 524 с. URL: https://iphras.ru/uplfile/sov_ph/stanovlenie-ifan.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

Крупская Н.К. 1934. К 25-летию выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Под знаменем марксизма. № 4. С. 1-10.

Кун Т. 2003. Структура научных революций : пер. с англ. / сост. В.Ю. Кузнецов. Москва : АСТ. 605 с. (Philosophy).

Ленин В.И. 1968. Материализм и эмпириокритицизм // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 18. С. 7-384.

Лифшиц М.А. 2003. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального) / подгот. текста к печати и послесл. В.Г. Арсланова. Москва : Прогресс-Традиция. 368 с.

Лифшиц М.А. 2010. Varia. Москва : Грюндриссе. 172 с.

Мареев С.Н. 2008. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. Москва : Культур. революция. 448 с.

Митин М.Б. 1931. Гегель и теория марксистской диалектики // Под знаменем марксизма. № 11-12. С. 23-34.

Митин М.Б. 1934а. Актуальные вопросы теории отражения и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина // Под знаменем марксизма. № 4. С. 21-51.

Митин М.Б. (ред.) 1934б. Диалектический и исторический материализм. В 2 ч. Ч. 1. Москва : Огиз, Соцэкгиз. URL: <https://spirit-of-exile.blogspot.com/2015/07/1934.html> (дата обращения: 10.06.2021).

Янковский Р.А. 1935. Важнейший документ ленинского этапа в философии // «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина / под ред. В. Ральцевича и Р. Янковского. Ленинград ; Москва : Соцэкгиз. С. 3-47.

Яхот И.И. 1991. Подавление философии в СССР (20-30 годы) // Вопросы философии. № 11. С. 72-83.

Mareeva E.V. 2016. Lifshits' ontognoseology as a version of Lenin's theory of reflection // *Studies East European Thought*. Vol. 68, № 4. P. 295-305. DOI 10.1007/s11212-016-9265-6.

References

Akselrod L.I. On Lenin's struggle against philosophical revisionism and issues of reflection theory, *Pod znamenem marksizma*, 1934, no. 4, pp. 136-143. (in Russ.).

Akselrod L.I. *Review of the book: V. Ilyin. Materialism and Empiriocriticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy*, Moscow, Zveno, 1909, available at: <http://leninism.su/works/87-tom-48/374-ukazateli-48.html> (accessed July 20, 2021). (in Russ.).

Arslanov V.G. Non finito by Mikhail Lifshits : [Afterword], *M.A. Lifshits, Dialog s Eval'dom Il'enkovym. (Problema ideal'nogo)*, Moscow, Progress-Traditsiya, pp. 293-361. (in Russ.).

Deborin A.M. "Philosophy and Politics", *Preface. A Recollection*, 2014, available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/deborin-abram-moiseevich/predislovie-k-filosofii-politike-vospominaniya> (accessed June 01, 2021). (in Russ.).

Deborin A.M. *Lenin as a Thinker*, Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1929, 168 p. (in Russ.).

Deborin A.M. The Problem of Knowledge in Historical and Materialistic Perspective, *Pod znamenem marksizma*, 1934, no. 4, pp. 110-128. (in Russ.).

Dobrenko E.A. Metastalinizm: Dialectics of Partisanship and Party Dialectics, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2014, no. 3(27), pp. 26-64. (in Russ.).

Korsakov S.N. The Rise of the Institute of Philosophy and the fate of philosophers under Stalin's regime, *M.N. Gromov (resp. ed.) Nash filosofskiy dom : k 80-letiyu Instituta filosofii RAN*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2009, 524 p., available at: https://iphras.ru/upfile/sov_ph/stanovlenie-ifan.pdf (accessed May 01, 2021). (in Russ.).

Krupskaya N.K. On the 25th Anniversary of the Publication of Lenin's "Materialism and Empiriocriticism", *Pod znamenem marksizma*, 1934, no. 4, pp. 1-10. (in Russ.).

Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow, AST, 2003, 605 p. (in Russ.).

Lenin V.I. Materialism and Empiriocriticism, *V.I. Lenin, Polnoe sobranie sochineniy*, Moscow, Politizdat, 1968, vol. 18, pp. 7-384. (in Russ.).

Lifshitz M.A. *Dialogue with Evald Ilyenkov. (The problem of the ideal)*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2003, 368 p. (in Russ.).

Lifshitz M.A. *Varia*, Moscow, Gryundrisse, 2010, 172 p. (in Russ.).

Mareev S.N. *From the History of Soviet Philosophy: Lukács – Vygotsky – Ilyenkov*, Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2008, 448 p. (in Russ.).

Mareeva E.V. Lifshits' ontognoseology as a version of Lenin's theory of reflection, *Studies East European Thought*, 2016, vol. 68, no. 4, pp. 295-305. DOI 10.1007/s11212-016-9265-6.

Mitin M.B. (ed.) *Dialectical and Historical Materialism, in 2 pt. Pt. 1*, Moscow, Ogiz, Sotsekgiz, 1934, available at: <https://spirit-of-exile.blogspot.com/2015/07/1934.html> (accessed June 10, 2021). (in Russ.).

Mitin M.B. Actual Issues of the Theory of Reflection and Lenin's "Materialism and Empiriocriticism", *Pod znamenem marksizma*, 1934, no. 4, pp. 21-51. (in Russ.).

Mitin M.B. Hegel and the Theory of Marxist Dialectics, *Pod znamenem marksizma*, 1931, no. 11-12, pp. 23-34. (in Russ.).

Yahot I.I. The Suppression of Philosophy in the USSR (1920–30s), *Voprosy filosofii*, 1991, no. 11, pp. 72-83. (in Russ.).

Yankovsky R.A. The Most Important Document of the Leninist Stage in Philosophy, *V. Raltsevich i R. Yankovsky (ed.) «Materializm i empiriokrititsizm» Lenina*, Leningrad, Moscow, Sotsekgiz, 1937, pp. 3-47. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Мушаиловна Климова

доктор философских наук, заведующая
НУЛ трансцендентальной философии Шко-
лы философии и культурологии Научного
исследовательского университета «Высшая
школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0974-552X>;
SPIN-код: 2673-8312;
E-mail: sklimova@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana M. Klimova

Doctor of Philosophy, Professor, The Head
of the Research and Training Laboratory
for Transcendental Philosophy, Faculty
of Humanities, School of Philosophy
and Cultural Studies, National Research
University "Higher School of Economics",
Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0974-552X>;
SPIN-код: 2673-8312;
sklimova@hse.ru